

Весь Фенимор Купер

Следопыт

Глава I

Во второй половине прошедшего столетия, в ясный летний день, посреди вековых американских лесов, общество, состоявшее из двух мужчин и двух женщин, подымалось на возвышение, образовавшееся от поваленных ветром и в беспорядке друг на друге лежащих деревьев с целью беспрепятственно любоваться видом окрестности. Деревья эти скучились на небольшом холме, и потому вид с них мог простираться на дальнее расстояние. Одно из них было совершенно вырвано с корнями, обращенными кверху таким образом, что, покрытые землею, промежутки от одного корня до другого представляли путешественникам род подмостков, на которые они могли смело стать для своих наблюдений.

Впрочем, это были не особенно знатные лица; двое из них — муж и жена — принадлежали к индейскому племени Тускарора; третий, судя по одежде и другим признакам, был моряк, а спутница его, приходившаяся ему племянницею, была дочь английского сержанта из расположенного при озере

Онтарио Форта Озвего, который и служил теперь общею целью путешествия.

Молодая, красивая и не лишенная образования девушка с удовольствием глядела на величественную, прекрасную картину, представлявшуюся ее взорам; задумчиво смотрела она на бесконечное море листьев и ветвей, которое, куда только достигал глаз ее, блестело сочною, прекрасною зеленью роскошной растительности. Красивый илем, широколистный клен, великолепные дубы и гибкие, высокие липы образовали широкий, бесконечный ковер, тянувшийся до горизонта и там соединявшийся, подобно волнам необозримого океана, с облаками. Местами высокий ствол исполинской сосны возвышался над обширной равниной и походил на пирамидальный образ величественного памятника, воздвигнутого искусной рукой на необозримом зеленом пространстве.

— Дядя, — сказала девушка, после продолжительного молчания, — как много этот вид напоминает бесконечное, любимое и дорогое вам море.

— Не более, как может вообразить себе неопытная девушка, Магнит ¹ ! Как можешь ты

---

¹ Этим именем моряк часто называл свою племянницу, намекая в шутку на ее личную притягательную силу.

находить какое либо сходство между этими немногими листьями и настоящим Атлантическим океаном? Все эти верхушки деревьев вместе едва ли достаточны будут для частички одеяния Нептуна.

— Дядя Кап, вы в этом сильно ошибаетесь, — смеясь, возразила Мария, — куда только хватает глаз, мы не видим ничего кроме листьев; что же больше может представить океан?

— Что больше? — с досадою отвечал моряк. — Лучше опроси: что меньше? Где же здесь голубые воды, вздымающиеся волны, буруны, киты, смерчи, бури, ураганы? И что за рыбы плавают под этой бессильной плоскостью?

— Ну, в бурях и здесь нет недостатка, как доказывают эти вырванные с корнями деревья, и если под листьями нет рыб, за то леса не лишены двуногих и четвероногих животных.

— Это еще вопрос, — с сомнением отвечал старый моряк, — во все время вашего пути от Альбани мы не встречали ни диких, ни ручных зверей, кроме лишь нескольких дрянных птиц, и, при совокупности всех этих обстоятельств, я сильно сомневаюсь, чтобы какое-либо из твоих живущих на суше животных могло выдержать сравнение с экваториальной акулой.

Мария ничего не отвечала на противоречившие ей доводы дяди, и продолжала спокойно смотреть на бесконечный лес.

— Это что такое? — несколько спустя, спросила она, указывая пальцем на вершины деревьев. — Там виден дым! Уж не поднимается ли он из какого-либо жилища?

— Это действительно дым, — возразил Кап, — но о его значении надо спросить Тускарору.

Он обратился к индейцу, слегка тронул его за плечо, чтобы возбудить его внимание, и указал ему на узкий столб дыма, тихо подымавшийся из лиственной чащи на расстоянии от них не более одной мили. Индеец, высокий, воинственной наружности, повернулся и бросил быстрый взгляд на указываемый ему дым; потом легко поднялся на цыпочки, и около минуты простоял с открытыми ноздрями, подобно рыбе, чувствующей в воздухе опасность. Наконец, он издал слабый, едва слышный звук и несколько съежился. Лицо его выказало беспокойство, но темный и быстрый глаз его облетел всю окрестность, как будто хотел где-либо отыскать опасность.

— Ну, в чем же дело, Стрела? — снова обратился к индейцу старый моряк. — Я полагаю, что по близости должны быть Онеиды или Тускароры, и предлагаю завести с ними знакомство, чтобы добыть уютный ночлег в их селении.

— Там нет селения, — спокойно, но положительно отвечал индеец. — Слишком много деревьев.

— Если бы и так, все-таки там должны быть индейцы, и, быть может, из ваших старинных товарищей.

— Не Тускарора, не Онеиды, не Могавки, — это огонь бледнолицых.

— Бледнолицых? — с сомнением и удивлением спросил Кап. — Как же вы это можете знать? Из чего вы видите, спрашиваю я вас, что это дым от огня бледнолицых, а не краснокожих?

— Сырое дерево! — с невозмутимым спокойствием возразил воин. Чем сырее, тем больше дыма; чем больше воды, тем чернее дым.

— Но, — с прежним сомнением сказал моряк, — я не вижу, чтобы было много дыма, и чтобы он был особенно черен.

— Слишком много воды! — с сильной уверенностью отвечал Стрела. — Тускарора слишком умен, чтоб разводить огонь водой; белый же читает много книг и зажигает что попало; много книг — мало знания!

— Ну, это довольно умно сказано, — заметил Кап, которого нельзя было назвать большим любителем книг. — Но довольно об этом; скажите мне лучше, как далеко еще мы от лужи, которую вы называете большим озером?

Индеец посмотрел на моряка со спокойным презрением, и затем отвечал: — Озеро Онтарио обширно как небо, — еще один день, и моряк

убедится в этом.

— Ну, это мы увидим, — возразил Кап. — Если же этот пруд свежей воды так близок, как вы говорите, и так обширен, как небо, то он был бы уже виден парюю хороших глаз.

— Смотрите! — сказал индеец, спокойно протягивая свою руку. — Там Онтарио.

Кап взглянул по указанному направлению, и затем посмотрел на индейца с некоторою важною снисходительностью.

— Так это крошечное пустое место на небе и есть ваше знаменитое Онтарио? — сказал он, наконец. — Ну, я должен сознаться, что оно вполне соответствует ожиданиям, возбужденным во мне, когда я покидал морской берег, для отыскания озера пресной воды. И это прекрасное озеро! Я не думаю, чтоб на нем было достаточно места для плавания одного человека! Молчите уж о нем, и будем лучше искать бледнолицых, которые, как вы сказали, должны находиться поблизости.

Индеец выразил свое согласие безмолвным наклонением головы, и все общество молча сошло с груди деревьев. Сойдя вниз, Стрела объявил, что он пойдет к огню, чтобы увериться в действительном значении его. В то же время он предложил своей жене и другим двум спутникам, чтобы они воротились к оставленному в ближайшей речке челноку и там ожидали его возвращения.

— Нет, это не годится, — возразил Кап, которому не нравилось такое предложение. — В такой неизвестной и дикой местности я не считаю удобным, чтоб лоцман слишком удалялся от своего судна, и потому предпочитаю держаться всем вместе. Я пойду с вами, чтоб переговорить с незнакомцами.

Индеец серьезно, но, не обижаясь недоверием Капа, дал свое согласие на такой вызов и приказал жене своей отправиться одной к челноку. Кап сделал племяннице знак последовать за женою Стрелы.

— Нет, дядя, я предпочитаю оставаться около вас, — возразила Мария. — Движение принесет мне пользу, после того, как я так долго сидела в челноке, притом я рассчитываю, что между неизвестными найдутся и женщины.

— Ну, так пойдем, дитя мое, — ласково сказал моряк. — Расстояние не велико, и, во всяком случае, мы успеем воротиться за час до заката солнца.

Мария тотчас приготовилась сопровождать мужчин, между тем как послушная, скромная жена индейца, которую звали Юнита, терпеливо направилась к оставленному челноку.

Прежде чем все общество пустилось в путь, индеец обратился к своему спутнику и серьезно сказал ему: — Смотрите во все глаза, и держите

язык!

— Да, да, понимаю, — возразил Кап. — Это, как я слышал, обыкновение индейцев. Смотри, он осматривает полку своего ружья, а потому, я думаю, не дурно, если и я взгляну на свои пистолеты.

Пока Кап приводил эту меру предосторожности в исполнение, индеец вступил в чашу, и Мария, опираясь на руку дяди, следовала за ним легким, эластическим шагом. Во время первой полумили они, кроме молчания, не соблюдали никакой осторожности; но, по мере приближения к месту, где должен был находиться огонь, шаги индейца делались осторожнее и тише, глаза его бдительнее и старание скрыть свою наружность — сильнее. Наконец, он остановился, и с торжеством указал на отверстие между деревьями.

— Смотрите, — сказал он, — огонь бледнолицых!

— Да, в самом деле, малый прав, — проворчал Кап. — Вот сидят они, и так спокойно и беззаботно кушают, как бы находились в каюте трехдечного корабля.

— А все-таки Стрела прав только наполовину, — прошептала Мария, — ибо я вижу двух индейцев и только одного белого.

— Два белых и один краснокожий, — возразил Стрела.

— Ну, скоро окажется, кто из вас прав. Один из неизвестных положительно белый и кажется весьма стройным, приличным малым. Другой также положительно индеец, а уж третьего никак не могу разобрать. Он наполовину белый и наполовину краснокожий.

— Два белых и только один краснокожий! — с большею против прежней уверенностью возразил Тускарора.

— Ну, верно что так, — сказала Мария. — Глаз его, кажется, никогда не ошибается, и теперь нам остается только узнать — друзей или врагов видим мы пред собою. Только бы это были не французы.

— Ну, об этом мы скоро будем иметь ясные понятия, дитя мое, — возразил Кап. — Стань только здесь за дерево, чтоб быть в безопасности на всякий случай, и я сейчас узнаю, под каким флагом они плавают.

Он приложил обе руки ко рту, и хотел громким голосом окликнуть неизвестных, как вдруг удержан был от исполнения этого быстрым движением Стрелы.

— Краснокожий — Могикан, белый — Янгез, — сказал Стрела.

— Ну, это известие приятное, — прошептала Мария, бывшая в большом страхе. — Так пойдемте к ним прямо и поздороваемся с ними, как с

друзьями.

— Хорошо, — сказал индеец, — пусть девушка идет; краснокожий осторожен и благоразумен, а белый слишком горяч, точно огонь.

— Что, вы с ума сошли? — сердито вскричал Кап. — Слабая девушка должна идти навстречу ожидаемой опасности, тогда как мы, два больших негодяя, останемся спокойны и будем только наблюдать? Прежде чем это случится, я...

— Тише, дядя! — прошептала Мария. — Стрела прав и дает самый благоразумный совет. Ни один христианин не встретит злом бедную, слабую девушку, и потому мое появление послужит признаком мирных намерений. Пустите меня идти, и все уладится как нельзя лучше. До сих пор нас никто не заметил, и поэтому, не возбуждая беспокойства, появление мое озадачит неизвестных.

— Хорошо, — сказал Стрела, — не скрывая своего одобрения мужеству Марии.

Кап согласился нехотя, и сказал: — Ну, если ты думаешь, что это лучше, то или; но возьми один из этих пистолетов, чтобы...

— Нет, нет, я более полагаюсь на мою молодость и слабость, чем на всякое оружие, — перебила его Мария, и смело направилась к сидевшим около огня и продолжавшим свой обед.

Никто не заметил ее, пока она не приблизилась к группе на расстоянии ста шагов. Но

тут она наступила на сухую ветку, которая с треском сломалась под ее ногами, и в ту же минуту вскочил индеец, которого Стрела назвал Могиканом. — Другие два схватились за свои ружья, прислоненные к дереву. Но, не увидев никого, кроме безоружной девушки, Могикан тихо сказал несколько слов своим товарищам, снова уселся к своему кушанью, и предоставил старшему из двух белых идти Марии навстречу.

Когда он приблизился, то Мария увидела, что действительно имеет вред собою человека ее цвета ножи, хотя одеяние его было полуиндейское и полуюропейское. Он был средних лет, и его хотя некрасивое лицо выражало столько честной прямооты и добросердечия, что Мария тотчас убедилась в отсутствии для нее всякой опасности. Она остановилась и спокойно ожидала приближения неизвестного.

— Не бойтесь ничего, — сказал он ей, приветливо кланяясь, — вы здесь, в пустыне, встретились с христианами, которые обойдутся с вами с любовью и уважением. Я человек, достаточно известный в этой стороне, и вероятно, вы слышали какое-либо из моих имен. Французы и Мингосы зовут меня «Длинное Ружье» за мое превосходное оружие; у лучших друзей моих, Могикан, я зовусь «Соколиный Глаз», а солдаты и охотники этого берега называют меня Следопытом,

ибо знают, что, найдя раз начало следа, я никогда не потеряю конца его.

Эти добродушно сказанные слова произвели немедленное и глубокое впечатление на Марию.

— Так вы Следопыт! — вскрикнула она радостно, хлопая в ладоши.

— Да, так зовут меня, хотя я охотнее стараюсь находить дорогу там, где нет никакой тропинки, чем идти по следу, уже открытому. Но солдаты не умеют даже различить тропинку от следа, хотя первую можно видеть, а второй узнается почти всегда лишь по чутью.

— Значит, вы тот друг, которого отец хотел выслать вам навстречу?

— Совершенно справедливо, если вы дочь сержанта Дунгама.

— Да, это я. Я Мария Дунгам, а там за деревом — мой дядя Кап и Стрела, один из Тускарора, служащий нам проводником. Мы надеялись встретиться с вами ближе к озеру.

— Я бы, однако, желал, чтобы более надежный индеец был вашим проводником, — сказал Следопыт, — я вообще не люблю племени Тускарора, а Стрела один из самых честолюбивых начальников. А Юнита с ним?

— Да, она сопровождает нас, это скромная и добрая женщина.

— И притом честная и верная душа, чего

нельзя сказать о ее муже, — прибавил Следопыт. Тем не менее, мы должны взять спутника, которого посылает вам небо, и все-таки есть индейцы еще худшие, чем Тускарора. Впрочем, хорошо, что мы встретились, ибо я обещал сержанту доставить благополучно дочь его в Форт, хотя бы и сам при этом должен был погибнуть.

— Смотрите, — перебила его Мария, — вот идут дядя и индеец.

Следопыт молча ожидал обоих мужчин и от души приветствовал их, в особенности Капа. Затем все общество направилось к тем двоим, которые спокойно оставались у огня.

При приближении их могикан спокойно продолжал есть; другой же встал и вежливо снял шапку при виде Марии. Это был молодой, сильный и красивый мужчина, которого одежда во всем выказывала моряка.

— Вот те друзья, которых отец ваш выслал вам навстречу, — сказал Следопыт, обращаясь с улыбкой к молодой девушке. — Это великий начальник Делаваров, уже преодолевший многие препятствия и встречавшийся с множеством опасностей. Его зовут Чингахгок, что на нашем языке значит «большой змей»; но получил он это имя не потому, чтобы был расположен к предательству, а потому что он благоразумный и хитрый начальник. Стрела понимает, что я говорю.

Пока Следопыт говорил это, оба индейца осматривали друг друга пронизательными, испытующими взглядами. Наконец Стрела подошел поближе и приветствовал Чингахгока с видом дружбы и задушевности. Следопыт одобрительно кивнул и снова обернулся к белым.

— Мне так же приятно, — сказал он, — видеть дружескую встречу двух индейцев в этой пустыне, как вам, мистер Кап, доставляет удовольствие видеть на океане дружественное судно. Но так как мы заговорили о судне, то я вспоминаю о моем молодом друге, Гаспаре Вестере, который, проведя всю свою жизнь на озере Онтарио, понимает несколько в этих вещах.

— Мне очень приятно с вами познакомиться, — сказал Кап, пожимая руку молодому моряку, который от души отвечал тем же. — Но вот у вас роскошно обставленный стол, и Следопыт приглашает вас принять в нем участие.

Все общество уселось вокруг поставленного для всех блюда с кусками дичины, и начало есть с аппетитом, немало возбужденным путешествием по пустыне. Но как только Кап несколько утолил голод, то снова обратился к Следопыту и возобновил разговор.

— Ну, я думаю, что жизнь, подобная вашей, доставляет немало удовольствия, хотя и не столько, как нам, морякам. У нас все вода, а у вас только

земля.

— Не совсем, — возразил охотник, — мы тоже при наших походах и переездах встречаем воду. Нам почти столь же часто приходится употреблять весла и сети, как и ружье и нож.

— Да, да, у вас есть озера и несколько быстрых рек, но и все тут, — небрежно возразил Кап, высоко ценивший свое звание моряка, — но не хвастайте этим чересчур, ибо знайте, что я предпринял свое путешествие преимущественно с тою целью, чтобы ознакомиться с вашими местами пресной воды, и поэтому вы мне не представите одно вместо другого. То, что я до сих пор видел из ваших озер, не больно важно и дает мне о них не высокое понятие, и откровенно говоря, я не могу поверить, чтобы здесь в самом деле нашлось озеро со свежей водой.

— Вы неправы, и очень неправы, когда в чем бы то ни было сомневаетесь во всемогуществе Бога, — серьезно возразил Следопыт. — Тот, кто сотворил озера с соленой водой, тот мог сотворить такие и с пресной.

— Да, это совершенно справедливо, — отвечал Кап, — я вовсе не оспариваю могущества Бога, а хочу только сказать, что до тех пор не поверю существованию пресной воды в больших местностях, пока не испробую ее своим языком, и затем оставим этот предмет.

Следопыт удовольствовался этим и начал другой разговор.

— Нам скоро надо будет отсюда удалиться, — сказал он, — в этой стороне кругом множество Ирокезов, и чтоб избежать их встречи, необходимо много хитрости и ловкости.

— Что? — вскричал моряк. — Разве эти негодяи отваживаются подходить под самые пушки английской крепости?

— А почему же нет? Они потому и являются, что это в их обыкновении; мы с Чингахгоком собственно для того обошли оба берега реки, чтобы вовремя разузнать о негодях. Гаспар же в это время плыл в челноке вверх по реке.

— Ну, да ведь вам нечего опасаться какого-либо несчастья? — спросил озабоченный Кап.

— Нам только грозит опасность быть подстреленными из засады, и, во всяком случае, опасность эта не маловажна.

— Но, черт возьми! Для чего же сержант заставляет меня совершать по пустыне путешествие более 150 миль. Если бы не Мария, я право тотчас вернулся бы назад и предоставил бы самому Онтарио заботиться о том, соленая ли у него вода или пресная.

— Если бы вы не так поступили, — отвечал Следопыт, — то все же вам не было бы лучше. Но

будьте спокойны и положитесь на то, что мы проведем вас целыми и невредимыми и сами не потеряем наших скальпов.

Когда Кап услышал о скальпах, то невольно взялся рукой за свои длинные волосы и с неудовольствием покачал головой. Но, наконец, он все-таки принял веселый вид, хотя посылал сквозь зубы сильные проклятия своему зятю, который довел его до столь опасного положения.

— Хорошо, Следопыт, — сказал он, — не смотря на все могущие грозить нам опасности, я не оставляю надежды благополучно достигнуть гавани. Как далеко еще можем мы находиться от Форта?

— Еще около пятнадцати миль, которые мы быстро проплывем по течению, если не встретим препятствий со стороны Мингосов.

— И, вероятно, всю дорогу леса будут тянуться справа и слева?

— Что такое?

— Ну, я хочу сказать, что мы должны будем искать нашу дорогу посреди этих проклятых деревьев.

— О, нет; вы поплывете в челноке вниз по течению Озвеги, и даже так быстро, как едва ли возможно гнать судно веслами и волнами.

— Но, черт возьми, кто же тогда защитит вас от пуль Мингосов?

— Бог! — спокойно возразил Следопыт. — Всевышний, которого милость и милосердие спасали ужи нас от больших опасностей! Но пора пуститься в путь, ибо до заката солнца остается лишь несколько часов.

Затем приступили к приготовлениям для дальнейшего путешествия, и в несколько минут все общество было готово. Но прежде чем оставить место своего привала, Следопыт собрал еще кучку ветвей и бросил ее на догоравшие угли. Нарочно прибавил он туда несколько сырых кусков дерева, чтобы дым сделался столь густ и темен, как только было возможно.

— Ну, Гаспар, — обратился он тогда к молодому моряку, — смотрите за тем, чтобы хорошенько скрыть след ваш, и тогда дым скорее принесет вам пользу, чем повредит. Некоторые из бродящих в округности десяти миль Мингосов наверное будут смотреть, не видать ли дыма над деревьями и высотами, и когда увидят наш, то тем лучше, пусть себе являются на то место, с которым мы простимся.

— А разве дым не послужат им поводом идти по вашему следу? — возразил Гаспар. — Отсюда до реки вам придется оставить широкий след.

— Чем шире, тем лучше; ибо когда мы однажды будем на воде, то никакая хитрость Мингосов не поможет им узнать, поплыла ли мы

вверх или вниз, и они вероятно предположат, что мы пустились вверх по течению. Почему? Потому что оно не вообразят себе, чтобы мы из-за удовольствия своего стали рисковать головами.

— Да, да, это справедливо, — возразил Гаспар, — они не могут знать ничего о дочери сержанта, которая собственно служит поводом к этой поездке.

— А от вас уж конечно они ничего не узнают, — сказал Следопыт, заботливо ступая по следам Марии, — если б только этот старый моряк Кап не водил по лесам своей племянницы; этаким упрямец!

— Упрямец?

— Да, да, настоящий упрямец, — продолжал Следопыт, — разве он не пренебрегает нашими прекрасными озерами и реками и не называет их простыми лужами? Я право того мнения, что нужно бы в наказание заставить его проплыть раз чрез водопады, тогда он получил бы о пресных водах другое понятие.

— А что же между тем случится с его племянницей?

— Ну, ей нечего подвергаться страху и опасностям. Мы ее высадим, и она обойдет водопад сухим путем. Только этого атлантического моряка надо немного испробовать, и я думаю, он будет смотреть на нас с большим уважением, когда раз

испытает шуток пограничных жителей.

Гаспар улыбнулся, ибо никогда не прочь был от шутки.

— Ладно, — сказал он, — пусть остается при этом уговоре; провезем старика чрез водопад, так что ему пройдет охота видеть и слышать.

Глава II

Река Озвего, по которой наши приятели продолжали путь свой, образуется из рек Ониды и Онондаги, и течет на расстоянии около десяти миль по ровной плоскости, до достижения природной террасы, с которой ниспадает в равнину с высоты пятнадцати футов, и затем спокойно течет далее до самого озера Онтарио. Челнок, на котором прибыл Кап со своими спутниками, лежал у берега реки, и все поместились в нем, кроме только Следопыта, оставшегося на берегу, чтоб оттолкнуть от него легкую ладью.

— Поставьте кормою вперед, Гаспар, — сказал он молодому моряку, который тотчас принял на себя должность рулевого, — и пусть челнок плывет вниз по течению. Если проклятые Мингосы пронюхают след наш и пойдут по нему до сих пор, то, конечно, прежде всего будут искать следов на иле, и если заметят, что мы отплыли от берега вверх по течению, то, конечно, придут к заключению, что

мы продолжали путь по тому же направлению.

Гаспар последовал этому совету, и затем Следопыт, дав челноку сильный толчок, сам вспрыгнул на него. Когда они достигли середины реки, то челнок обернулся, и спокойно, без всякого шума поплыл вниз по течению.

Судно это было индейский челнок из коры, который, как по необыкновенной легкости, так и по подвижности своей, совершенно пригоден был для плавания, при котором на каждом шагу встречаются мели, сплавные леса и тому подобные препятствия. Он был до того легок, что один сильный мужчина без труда мог вести его, но тем не менее был значительной длины и весьма достаточен для всей компании.

Кап поместился на поперечном сиденье посреди челнока, а Чингахок уселся возле него на корточках. Стрела и жена его сели перед ними; Мария за спиной дяди своего, прислонившись к своему багажу, а Следопыт и Гаспар стояли один на корме, а другой на носу, и твердо, тихо, избегая шума, управляли веслами. Они отплыли небольшое пространство, как вдруг сквозь деревья послышался шум, немедленно возбудивший в сильной степени внимание Капа.

— Это весьма приятно звучит! — сказал он, наострив уши, подобно собаке, которая прислушивается к отдаленному лаю.

— Это река, которая на полмили далее ниспадает со скалы.

— Э, черт возьми, мистер Следопыт! — воскликнул Кап при таком неблагоприятном известии. — Разве вы не знаете, что водопады непременно имеют над собою быстрину? Дайте челноку другое направление и держитесь ближе к берегу.

— Нет, нет, приятель Кап, положитесь вполне на нас, — отвечал Следопыт, — мы, правда, только пресные моряки и не знаем ничего о большом океане, но быстрины и водопады нам несколько знакомы, и так как мы на них плывем, то употребим все силы, чтоб сделать честь нашему образованию и искусству.

— Как? — вскричал Кап. — В этой ореховой скорлупе вы хотите переплыть водопад?

— Конечно, это наше намерение. Дорога идет чрез водопад, и легче переплыть его, чем выгрузить челнок и тащить его сухим путем целую милю, со всем грузом.

— Да, да, — прибавил Гаспар, — мы думаем высадить женщин и индейца на берег, а мы трое белых, как привыкшие к воде, проведем лодку через водопад.

— И при этом мы немало рассчитываем на ваше содействие, приятель Кап, — сказал Следопыт, лукаво кивнув Гаспару. — Вы привыкли

к падениям волн, и если один из нас не будет смотреть за грузом, то он легко может пойти весь ко дну.

Кап совершенно смешался, и если бы не гордость моряка, то наверно оставил бы челнок, ибо одна мысль переплыть водопад представлялась ему ужасною.

— А что же мы сделаем с племянницей? — спросил он. — Не можем же мы высадить ее на берег, когда кругом бродят индейцы?

— Ни один Мингос не приблизится к вьючной дороге, — отвечал с уверенностью Следопыт, — это место слишком открыто для их дьявольских дел, которые они исполняют там, где этого меньше всего ожидают. Но плыви, Гаспар. Марию надо высадить там на оконечности дерева, чтобы она достигла берега, не замочив ног.

Гаспар повиновался, и чрез несколько минут все, кроме Следопыта, Гаспара и Капа, покинули челнок.

— Станьте на этой скале, Мария, и смотрите, как мы будем переплывать водопад, — закричал ей Следопыт, снова отталкивая челнок от берега.

Мария послушалась этого указания; скорыми шагами достигла назначенного места, и при виде водопада у нее вырвалось невольное восклицание ужаса. Но она скоро оправилась и начала с напряженным вниманием наблюдать за

происходившим, Между тем, индейцы спокойно уселись на поваленном дереве, но Юнита вскоре подошла к Марии и с сильнейшим вниманием стала смотреть на движения челнока.

В это время он продолжал свой путь; когда же достиг середины течения, то Следопыт стал на колени, не переставая грести, но делал это тихо и таким образом, чтобы не нейтрализовать стараний своего спутника. Последний стоял еще на ногах и, казалось, озабочен был приисканием удобнейшего места для переправы.

— Более на запад, держитесь западнее, — ворчал Следопыт, — правьте туда, где вы видите водяную пену, и поставьте вершину этого погибшего дуба в одну линию с тем еловым стволом.

Гаспар ничего не отвечал, ибо в это время челнок находился на самой середине реки и, под влиянием усилившегося течения, стал быстро ускорять свой ход. В этот момент Кап дорого бы дал, чтоб иметь возможность невредимым бежать на берег. Шум падающей воды достигал его слуха подобно отдаленным раскатам грома, и чем громче и явственнее делался, тем более усиливал биение его сердца.

— Держите ниже руль и дайте поворот, — закричал он, наконец, не будучи уже способен превозмочь овладевший им ужас, когда челнок

быстро приблизился к краю водопада.

— Да, да, вниз и без того уж хорошо идет, — отвечал Следопыт, с обыкновенным ему тихим смехом, — приподнимите корму, приятель, держите ее выше!

В эту минуту течение увлекло челнок с быстротой ветра; он вошел в фарватер и в течение нескольких секунд Капу казалось, что он попал в котел с кипятком; он чувствовал, как нос судна нагибался, видел около себя пляску дикой, пенившейся и шумящей воды в безумном волнении, и заметил, что челнок бросало во все стороны как ореховую скорлупу. Наконец, к великой радости и изумлению, увидел он, что судно, под твердым и верным управлением Гаспара, скользило в разрез спокойной поверхности воды, раскинувшейся внизу водопада.

Следопыт весело засмеялся, встал с колен, достал оловянную кружку и роговую ложку, и стал внимательно мерить количество воды, набравшейся в челнок во время переправы.

— Полных четырнадцать ложек, Гаспар! — сказал он затем. — Это слишком много, если принять во внимание, что вы переезжали и с десятью.

— Да, да; но Кап так сильно наклонился назад, что мне стоило больших трудов дать челноку надлежащее направление, — возразил Гаспар.

Кап глубоко вздохнул, крепко откашлялся и схватился за свои волосы, чтобы увериться, что они, по-прежнему, целы, на том же месте. Потом он оглянулся, чтоб измерить опасность, которой только что подвергался, и увидел почти перпендикулярный водопад около 12 футов вышины, чрез который проскользнул челнок посреди зацепившихся там и сям осколков скалы и древесных стволов. Этот момент возбудил в старом моряке сильнейшее уважение, и он почти против воли должен был удивляться смелости, с которою исполнено было опасное предприятие. Тем не менее, он мало склонялся к тому, чтобы высказать свои чувства, ибо опасался сказать слишком много в пользу плавания по пресным водам. Наконец, после продолжительного откашливания, он сказал:

— Да, да; ваши познания в плавании не маловажны, а это самое главное при озерах и быстринах. Я знаю некоторых лодочников, которые так же хорошо могли бы сюда спуститься, если бы раз изучили Фарватер.

— Нет, нет, приятель, — возразил ему Следопыт, — тут не нужно знать никакого фарватера, а только нужна сила и ловкость, чтоб миновать скалы. Здесь во всей стране не найдете кроме Гаспара никого, который бы с уверенностью мог переплыть водопады Озвеги, и даже я сам на это неспособен, если рука Божия видимо не

поддержит меня.

— Если это так, то зачем же вы кричали Гаспару, как ему управлять судном?

— Зачем? Из человеческой слабости, которая все-таки есть у каждого, — отвечал Следопыт.

— Да, вот что! — проворчал Кап. — Да; но вообще я не считаю все это очень важным; это то же, что при проезде под лондонским мостом — немного забрызжет пеною и все тут. Сотни дам, даже самых знатных, ежедневно проезжают вод ним, и даже сам король своей особой совершил однажды этот проход.

— Быть может, — хладнокровно отвечал ему Следопыт, — нам же тут при переправе чрез водопады не нужны ни дамы, ни короли, ибо ошибка на длину лодки более или менее может сделать из них безжизненных утопленников. Послушай, Гаспар, нам еще придется перевезти мистера Капа чрез Ниагару, прежде чем мы докажем ему все, на что способны пограничные жители.

— О, черт возьми, вы слишком в шутовском расположении духа! — воскликнул испуганный Кап. — Положительно невозможно в жалком челноке из коры переехать чрез этот страшный водопад.

— Никогда в жизни, приятель Кап, не были вы в более сильном заблуждении, — отвечал

Следопыт, плутовски подмигивая глазом Гаспару. — Я сам уже много раз видел подобную переправу, и думаю, что можно с уверенностью привести чрез водопад самый большой корабль всего океана, если б только удалось довести его до быстрины.

Кап не заметил плутовского знака Следопыта, и несколько времени как бы притаился; он считал также невозможным спуститься по Ниагарскому водопаду, как и подняться на него, и мысль о столь страшном риске совершенно поражала его.

Между тем, оставшееся на земле общество достигло того пункта, где спрятан был челнок Гаспара, здесь все снова соединились и опять сели в лодки: Кап, Гаспар и Мария в одну, Стрела, Следопыт а Юнита — в другую. Чингахгок направился сухим путем вдоль берега реки, разыскивая, со свойственной его племени ловкостью и осмотрительностью, следы какого-либо неприятеля.

Оба челнока объехали не более одной мили, как вдруг при повороте показалась спрятанная в береговых кустах темная личность, в которой Следопыт тотчас узнал Чингахгока.

— Это Чингахгок, сказал он, и, судя по его знакам, он желает, чтобы мы к нему подъехали. Правь на него, Гаспар, ибо, без сомнения, есть в виду опасность, иначе такой человек, как он, не

произвел бы задержки. Скорей вперед; мы белые и должны противостать чертовщине Мингосов, как прилично нашему цвету кожи и призванию.

Благодаря сильным ударам весел, челноки приблизились к берегу, и менее чем в минуту достигли того куста, где спрятан был Делавар. Когда пловцы подъехали к нему, — он быстрым движением сделал им знак молчания и тишины, и затем начал со Следопытом короткий, не серьезный разговор на языке Делаваров.

— Мингосы в лесах, — коротко сказал он.

— Как мы и думали в последние дни; знает что-нибудь о них брат мой?

Делавар спокойно поднял над головой каменную трубку.

— Я нашел ее на свежем следу, который, кажется, ведет к гарнизону, — сказал он.

— Ладно; но трубка эта может принадлежать и солдату; многие из них употребляют трубки краснокожих.

— Смотрите, — отвечал Делавар, и приблизил трубку к самым глазам своего друга.

Этот быстро взглянул на все; она была вырезана из мягкого камня и посередине — латинский крест, сделанный с особенным тщанием и точностью.

— Да, да, это означает безбожие и дьявольство, хотя бы для христианина должно было

служить признаком мира, — серьезно сказал Следопыт, — только индеец, имевший обхождение с лукавыми патерами Канады, вырежет подобный знак на своей трубке. Мингосы находятся вблизи.

— Да, вблизи, — повторил Чингахгок, — табак еще не потух в трубке, когда я нашел ее.

— Ну, так нам предстоит трудная работа. Где след?

Могикан указал на пункт, бывший в расстоянии от берега не более ста локтей. Тогда Следопыт приблизился к этому месту, и вместе с Чингахгоком стал изучать след с особенным вниманием. Только спустя четверть часа вернулся он, между тем как Чингахгок снова исчез в лесах.

— Да, да, — сказал он своим спутникам с выражением озабоченности на ясном лице его. — Мингосы близко, и, к сожалению, направились в сторону от гарнизона, так что ни одна душа не может проскользнуть без того, чтобы не попасться им на глаза. Тогда засвистят пули.

— А разве гарнизон форта не может подать нам помощи? — спросил Кап. — Я думаю, что залп пушек его может прогнать этих гостей.

— Да, если б здесь в пустыне были такие же форты, как в колониях. А то здесь у нас только две или три легких пушки, а они ничего не сделаешь. Нам остается одно средство, да и то трудное и опасное. Мы должны спокойно оставаться здесь и

выжидать, что будет. Высокий берег, и в особенности окружающий кустарник скрывают нас от всякого глаза, и все дело заключается теперь в том, каким образом заставить Мингосов снова перейти на другую сторону реки. Но и этого можно достигнуть, и я знаю как. Гаспар, видите там каштановое дерево с широкой верхушкой? Там, у последнего изгиба реки, на вашей стороне?

— Около сваленной сосны?

— Да, это самое! Возьмите огниво и кремень, проскользните вдоль берега и зажгите на том месте большой огонь. Может быть, дым привлечет их туда, а мы тем временем переведем челноки несколько ниже, чтоб отыскать для них верное убежище. Хотите туда отправиться, Гаспар?

— Конечно, — возразил молодой человек, быстро выскакивая из челнока. — Через десять минут огонь запылает.

— Да, да, приятель, я уж вас знаю, — сказал Следопыт, с сердечным, тихом смехом. — И послушайте, возьмите на этот раз побольше сырого дерева, понимаете? Если мало будет дыма, то пусть поможет вода.

Гаспар кивнул головой, и поспешно направился к указанному пункту. Затем челноки, держась около кустов, поплыли по течению до такого места, на котором их нельзя уже было видеть от каштанового дерева. Здесь они

остановились, и взоры всех следили за отделившимся от них моряком.

— Вот подымается дым! — вскричал Следопыт, когда слабый ветер погнал легкий столб дыма с берега на поверхность реки. — Только бы Гаспар не забыл о сыром дереве, ибо без этого наша хитрость мало нам поможет.

— Слишком много дыма — много ума, — сказал Стрела.

— Да, конечно, Тускарора, если бы Мингосы не звали, что вблизи находятся солдаты, которые, по обыкновению, на привале думают больше о своем обеде, чем о мерах предосторожности, могущих защитить их от опасности. Нет, пусть юноша валит полена одно на другое. Но, кажется, уж было бы довольно; он производит такой дым, как будто кругом дороги стоит лагерем целый полк. Право, нам надо искать другого убежища.

Говоря это, Следопыт провел челноки несколько далее, так что снова изгиб берега закрыл от них дым. Здесь показалась небольшая бухта, в которую он тотчас и направился, увидев с первого взгляда, что едва ли по близости можно найти лучшее убежище. На этом месте кустарник был так густ и так наклонился над водой, что образовал настоящий балдахин из листьев. В глубине бухты, у берега, была узкая полоса крупного песка, на которую и перешла большая часть общества. Здесь

можно было быть замеченным только с противоположного берега реки, и даже оттуда опасность открытия была невелика, тот берег был такой топкий и болотистый, что нельзя было пройти к нему без затруднения.

— Это славное убежище, — сказал Следопыт, исследовав с видом знатока всю окрестность, — но его надо сделать еще безопаснее и превосходнее. Мистер Кап, будьте немного тише и спокойнее, а вы, Тускарора, подойдите и помогите в моих намерениях на случай опасности.

Индеец повиновался, и Следопыт углубился с ним в кустарник, где они, молча и стараясь избегать всякого шума, отрезали сильнейшие ветви некоторых ольховых деревьев и кустов. Концы этих маленьких деревьев воткнуты были в ил с наружной стороны челноков, и не прошло десяти минут, как воздвигнуты были весьма обманчивые ширмы между обществом и тем пунктом, от которого грозила большая опасность. При постройке этой перегородки Следопыт применил все свое остроумие. Он преимущественно искал согнутых стволов, которые росли тут во множестве, и так как он отрезал он немного ниже изгибов и только этими последними ставил их на воду, то искусственная чаща казалась не выросшей из реки, что непременно возбудило бы подозрение, но скорее имела вид кустарника, который рос отвесно

от берега и уже потом нагибался к свету, как это часто бывало на краю берега. Вообще перегородка была так искусно и хитро составлена, что только необыкновенно недоверчивый глаз мог бы подозревать за всю убежище.

— Это, без сомнения, одно из лучших убежищ, в каком я когда-либо находился, — сказал Следопыт с тихим, задушевым смехом, — листья наших искусственных деревьев обманчиво совпадают с листьями остального кустарника, и самый пытливый глаз не разберет, где здесь ваша работа, и что составляет создание Провидения. Тише; вот приближается Гаспар; мы сейчас увидим, годится ли наше убежище, или нет.

Действительно, это был Гаспар, возвращавшийся из своей экспедиции и искавший челны, долженствовавшие, по его предположению, быть спрятанными в какой-либо бухте. Он шел вброд по колено в воде, и пытливым взором смотрел во все стороны.

Находившееся за кустарником общество, внимательно следившее за движениями Гаспара, скоро заметило, что он удаляется от места, где Следопыт спрятал челны. Когда молодой человек миновал изгиб берега и потерял из виду дым, то остановился и стал изучать берег обдуманно и осторожно. Не видя ничего бросающегося в глаза, он отошел шагов десять дальше, и снова

остановился, чтоб возобновить свои изыскания. Вода была довольно мелка, и так как он шел около самого берега, то так близко достиг искусственной плантации, что мог бы достать ее руками. Но он ничего не заметил и уже хотел пройти мимо, когда Следопыт осторожно нагнул несколько веток на сторону и тихим голосом пригласил его зайти в их убежище.

— Эта штука выдержала хороший опыт, — смеясь, сказал Следопыт, — и я готов держать пари все против ничего, что целый полк солдат мог бы проследовать мимо, не угадав нашей хитрости. Но, тем не менее, Мингосы трудно обманутся, если, как Гаспар, приблизится вброд по реке, ибо глаза краснокожего настолько же отличаются от глаз белого, как подзорная труба от очков.

— Но как же, мистер Следопыт, — сказал Кап, — разве вы не считаете за лучшее, чтобы мы тотчас пустились в путь и с возможной быстротой направились вниз по течению, если уж раз нам известно, что негодяи позади нас? Погоня по воде всегда продолжительна.

— Нет, нет, — отвечал Следопыт, — из-за всего пороха, находящегося там в форте, я не решусь с дочерью сержанта двинуться с места, сока мы не получим известия от Чингахгока. Было бы другое дело, если б молодая девушка способна была пуститься лесом, тогда мы действительно до

утра успели бы достигнуть гарнизона, но она слишком слаба для этого.

— О, нет! — воскликнула Мария, быстро вскакивая, — я молода, проворна и так привыкла к напряжениям, что наверно перещеголяю дядю, если бы даже он пошел и прежде меня; я не хочу служить препятствием, которое могло бы всех вас подвергать опасности.

— Мы несколько не считаем вас, доброе дитя, — сказал Следопыт, — за препятствие или тягость, и охотно еще раз пойдем навстречу опасности, чтоб оказать услугу вам и храброму сержанту. Не так ли и вы думаете, Гаспар?

— Конечно, — твердо отвечал этот, — ничто не заставит меня покинуть Марию Дунгам до тех пор, пока она не будет в совершенной безопасности.

— Хорошо и храбро сказано, приятель, — сказал обрадованный Следопыт, — это совершенно мое мнение. Да, Мария, вы не первое женское существо, которое я проводил чрез пустыню, и при всем том ни одна не потерпела никакого ущерба, кроме только одного милого и доброго дитяти. Это было горестное событие и грустный день! Бедная Кора!

Мария взглянула на обоих защитников своих блестящими от волнения глазами; она протянула обоим руку и сказала:

— С моей стороны несправедливо подвергать вас из-за меня опасности; но дорогой отец мой поблагодарит вас, и я сама благодарю вас в несомненном убеждении, что вы будете вознаграждены Богом. Но нам бесполезно было бы долее ожидать здесь опасности. Я могу скоро идти, и уже лишь для своего удовольствия прошла целую милю; почему же не могла бы идти далее, когда дело идет о вашей и моей жизни?

— Она верный голубь, Гаспар, — сказал Следопыт, от души пожимая руку Марии, — но, тем не менее, вам нельзя идти, доброе дитя, ибо нам бы нужно пройти более 20 миль, и притом же в темноте и чрез чашу, до самого форта. Нет, лучше будет спокойно ожидать Могикана.

Этими словами честного охотника решилось дело, и никто больше не прибавил ни слова. Все общество разделилось на отдельные группы. Стрела с женою сидели особо за кустами и болтали шепотом, Следопыт и Кап поместились в одном из челноков, толкуя о своих приключениях на воде и суше, а Гаспар с Мариєю сели в другой челнок, причем первый старался своим разговором заставить ее позабыть о настоящем опасном положении. Несмотря на окружавшее всех принуждение, время шло для них быстро и без боязни.

— Если б только можно было покурить! —

сказал Кап. — Вообще здесь довольно уютно, и единственно неприятное заключается в том, что нельзя пустить в ход свою трубку.

— Табачный запах тотчас выдал бы нас, — возразил Следопыт, — преодолевайте свою страсть, приятель, и учитесь терпению у краснокожих, которые на целую неделю забывают свой голод, чтоб приобрести хотя один скаल्प. Гаспар, вы ничего не слышите?

— Идет Чингахгок.

— Ага, так посмотрим, острее ли его глаза, чем глаз некоторого человека, который прошел по воде мимо нас.

Чингахгок следовал по тому же направлению, которого прежде держался Гаспар, но, вместо того, чтобы идти напрямик, он применялся к волнению реки, и чрез то успешно устранял возможность дать себя приметить с возвышенных пунктов. Подкрадываясь около самого берега, он постоянно умел принимать такое положение, что всегда мог смотреть вперед, не видит ли его кто либо.

— Чингахгок видел негодяев! — прошептал Следопыт. — Без всякого сомнения, они дали себя обмануть дымом и окружили его.

После этих слов он от души рассмеялся, и стал, вместе с другими, с напряженным вниманием наблюдать за осторожными и избегавшими всякого шума движениями Чингахгока. Уже целые десять

минут Могикан стоял неподвижен; потом вдруг бросил боязливый и острый взгляд вдоль берега и затем быстро пошел вперед, не покидая заботы скрыть след свой под водою. По-видимому, он сильно торопился и беспокоился, и то оглядывался, то рассматривал пытливым глазом каждое место, где мог считать спрятавшимися оба челнока.

— Позовите его, Следопыт, — быстро прошептал Гаспар, не могший уже преодолеть свое нетерпение, — позовите его, пока не поздно; видите он минует наше убежище.

— Нет, нет, это еще не к спеху, — хладнокровно возразил Следопыт, — если б опасность была так близко, то Чингахок начал бы ползти; но, да поможет нам Бог и вразумит вас! Я, право, думаю, что даже Чингахок, которого глаз вернее, чем чутье собаки, не видит нас и не замечает созданного нами убежища.

Такое заключение было, однако, преждевременным, ибо не успел Следопыт вымолвить эти слова, как индеец, находившийся лишь в нескольких шагах впереди убежища, вдруг остановился, бросил скорый, но пронизательный взгляд на искусственную плантацию, быстро отступил несколько шагов, нагнулся, осторожно раздвинул кусты и внезапно появился среди общества.

— Проклятые Мингосы! — вскричал

Следопыт. — Где же они?

— Ирокезы! — коротко отвечал индеец.

— Это все равно, Ирокезы, дьяволы или Мингосы; все негодяи и всех зову я Мингосами. Но поди сюда приятель, и переговорим толком.

Оба отошли в сторону и стали серьезно совещаться на языке Делаваров. Затем Следопыт снова подошел к остальным, чтобы дать им нужные объяснения.

Могикан шел следом за неприятелями по направлению к форту, пока они заметили разведенный Гаспаром огонь, и вдруг повернули назад. Чрез это Чингахгок поставлен был в большую опасность быть открытым, и вынужден был искать убежища, где бы мог скрыть себя от неприятельских глаз. К его счастью, неприятели так были заняты новым открытием, что не заметили его, хотя прошли совершенно около его убежища. Их было пятнадцать человек, и каждый ступал по следам впереди идущего. Как только они прошли, Чингахгок сошел в воду, и оттуда, насколько было возможно без видимой опасности, наблюдал за дальнейшими движениями Ирокезов. Скоро заметил он, что они открыли хитрость и убедились, что огонь зажжен был только с целью обмануть их; потом, после поспешного исследования места, где разведен был огонь, они разделились, и пока одни снова бросились в лес, другие сошли вниз к берегу

и вниз по течению пошли по следам Гаспара до того места, где причаливали челноки. Проследить их далее Чингахок не имел возможности, но предполагал, что они покажутся на краю берега, и явился к своим друзьям, чтоб известить их обо всех этих обстоятельствах.

Когда Следопыт сообщил всем такие известия, то почти все мужчины высказались в пользу поспешного бегства.

— Освободите скорей челноки, — живо вскричал Гаспар, — если мы будем дружно грести, то скоро скроемся от негодяев.

— Нет, это не годится, — возразил Следопыт, — правда, что челноки быстры на ходу, и вы можете сильно грести, но ружейная пуля еще быстрее.

— Но ведь отец Марии получил от нас обещание и потому долг наш заботиться о девушке и стараться избежать этой опасности.

— Да, но никак не долг ваш оставлять без внимания благоразумие.

— Благоразумие? — воскликнул Гаспар с необдуманной резкостью. — Разве можно так далеко простирать его, чтоб забывать за ним мужество!

Они стояли у берега, и Следопыт опирался на свое ружье, которое прислонено было к песчаной почве, между тем как он держал обеими руками

дуло, достигавшее до его плеч. Когда Гаспар выразил такой тяжелый и незаслуженный упрек, то лицо Следопыта не изменилось, и только руки его сильнее стиснули ружейное дуло.

— Вы молоды и горячи, — возразил храбрый охотник со спокойствием и твердостью, ясно выказавшими всем его моральную твердость, — но жизнь моя состояла из непрерывного ряда подобных опасностей, и мои понятия так созданы, что мне нет надобности подчиняться нетерпению молодого мальчика. Я не хочу платить упреком за упрек, ибо знаю, что, по вашему образу мыслей, вы крепко держитесь на своем посту; но я хочу вам дать совет, чтобы вы не пренебрегали словами человека, который встречался с Мингосами уже тогда, когда вы еще были ребенком, и потому знает, что скорей можно победить коварство индейцев благоразумием, чем перехитрить их безрассудством.

— Простите меня, Следопыт, — вскричал Гаспар, полный раскаяния, быстро схватив и сжав руку обиженного им, — я убедительно прошу у вас извинения! С моей стороны было дурно и безумно обвинять в трусости человека, которого мужество на деле столь же твердо, как скалы на берегу озера.

При этих словах краска на щеках Следопыта исчезла и торжественное достоинство, принятое им, перешло в выражение серьезной простоты. Без

всякой задней мысли отвечал он на пожатие руки своего горячего молодого спутника, и в глазах его блеснуло выражение природной доброты.

— Хорошо, Гаспар, хорошо, — улыбаясь, сказал он. — Я не злопамятен, ибо моя натура белая, и заключается в том, чтоб не сохранять в сердце никакой злобы и неприязни. Впрочем, опасно было бы сказать половину этого Чингахгоку, хотя он и храбрый Делавар. У каждого цвета свои понятия, это тебе, милый друг, не дурно бы заметить себе раз навсегда.

В эту минуту Мария Дунгам, дотронувшись до плеча его удочкою, указала в то же время рукою на отверстие в кустарнике, чтобы скорее возбудить его внимание. Следопыт нагнул вперед голову, бросил беглый взгляд чрез кусты и прошептал Гаспару:

— К оружию! Проклятые Мингосы близко! Но держитесь так смирно, как будто мертвые.

Гаспар прежде всего поспешил неслышными шагами к челноку, и пригласил Марию принять такое положение, при котором был бы скрыт весь ее стан. Потом он встал возле нее, и приготовил ружье с взведенным курком. Стрела и Чингахгок подползли ближе к убежищу, и с поднятым оружием глядели, как змеи, на приближавшегося неприятеля; Юнита села, спрятала голову в свою ситцевую одежду и оставалась совершенно

смирною и неподвижною; Кап достал из-за пояса свои пистолеты, а Следопыт остался недвижим на месте, ибо он с самого начала занял такое положение, которое в одно время давало ему возможность верно целить и внимательно наблюдать за Ирокезами.

В тот самый момент, когда Мария тронула Следопыта за плечо, трое диких показались на воде. Они находились в расстоянии от убежища около ста локтей, и остановилась, чтоб исследовать реку и берега. Все было обнажены до пояса, вооружены и снабжены воинскими украшениями. Они, казалось, недоумевали, какое принять направление для преследования беглецов. Один из них указывал вниз по течению, другой вверх, а третий — на противоположный берег.

Наступила решительная минута, ибо спрятанные могли угадывать намерения своих преследователей только по их телодвижениям и знакам. Мгновенное открытие угрожало им; Следопыт созвал необходимость скорейшего решения и занялся приготовлениями к бою; он призвал обоих индейцев и Гаспара к себе, и шепотом сообщил им свои виды.

— Друзья, — сказал он, — мы должны быть готовы к бою. Нас пятеро и мы имеем дело только с тремя кровожадными дьяволами, — поэтому победа наша несомненна. Гаспар, ты возьми на цель этого

юношу, который раскрашен как самая смерть; тебе, Чингахгок предоставляю их начальника, а вы, Стрела, направьте ваше ружье на третьего. Ни в каком случае не должно быть ошибки, ибо две пули в одно тело было бы неблагоразумною роскошью, когда дочь сержанта в опасности. Я, со своей стороны, буду в резерве, на случай, если появится еще четвертый негодяй, или если который-либо из ваших выстрелов будет неудачен. Но спускайте курок только по моему знаку, и как только позади вас со стороны берега послышится какое-либо движение, тогда вы, Гаспар, с дочерью сержанта немедленно плывите в челноке к форту со всевозможною быстротой.

Не успел он окончить свои наставления, как приближение неприятелей снова послужило поводом к глубочайшему молчанию. Тихо спускались Ирокезцы вниз по реке, держась постоянно около кустов, нависших над водою. По временам, спрятанные замечали, по шелесту листьев и шуму ветвей на берегу, что вдоль его движется другая толпа диких, державшихся одного направления с бывшими в воде. Так как искусственный кустарник выведен был в некотором расстоянии от берега, то обе толпы увидели друг друга на противолежавших один другому пунктах. Здесь они остановились и начали переговариваться буквально над головами скрывавшихся. Эти

последние были однако защищены ветвями и листьями их плантации и глаза дикарей скользили по поверхности кустов, которых одежда казалась достаточно густою, чтоб не возбудить никакого подозрения. Как Следопыт, так и оба индейца, понимали разговор, который вели обе партии, и все прислушивались с сильнейшим напряжением.

— Вода смыла след, — сказал один из индейцев в реке, стоявший так близко к убежищу, что мог доставать его руками. — След до того исчез, что даже собака Янгеза не могла бы найти его.

— Бледнолицые покинули берег в своих челноках, — отвечал индеец сверху.

— Нет, это не может быть, — возразил первый, — ружья наших воинов на реке верны.

При этих словах Следопыт бросил быстрый взгляд на Гаспара, и сжал губы, чтоб удержать невольное восклицание.

— Пусть мои молодые воины смотрят так, как бы у них были орлиные глаза, сказал стоявший в воде начальник. Мы уже более недели в поле, и добыли еще только один скаल्प. Вперед!

Этим окончился разговор, и спрятанные заключили из шелеста кустов, что толпа на берегу над ними тихо удалялась: находившиеся же в реке еще стояли, и каждый осматривал берег глазами, походившими на горевшие уголья, выглядывавшие

из темных воинских красок. Но чрез несколько минут и они пошли вброд вниз по течению, и медленно удалялись шаг за шагом, подобно людям, которые ищут что-то потерянное.

Таким образом, они миновали искусственное убежище, и Следопыт уже приготавлился к сердечному смеху, когда преждевременное торжество его было внезапно остановлено. Именно, последний из трех диких бросил случайно взгляд назад, и, озадаченный, остановил, свои шаги, как будто заметил нечто необыкновенное. Это заставило Следопыта опасаться, что, вероятно, некоторые неудачно расположенные кусты должны были возбудить подозрение индейца.

К счастью открытых, тот воин, который нагнал на них такой страх, был еще очень молод и впервые в своей жизни выступил в поле. — Он сознавал, как необходима в его лета обдуманность и скромность, и более всего опасался презрения, которое может заслужить, если б его подозрение оказалось безосновательным и наделало напрасного шума. Поэтому, не призывая назад своих спутников, он один повернулся и осторожно приблизился к кустам, к которым глаза его были прикованы как бы сверхъестественною силою. — Некоторые листья, более других подвергавшиеся солнечным лучам, казались несколько увядшими, и этот слабый признак послужил обстоятельством,

возбуждавшим внимание молодого воина.

Маловажность сделанного наблюдения также казалась индейцу основанием не сообщать о нем своим товарищам. Если бы оно привело его к важному открытию, то тем более было ему чести; если же надеждам его суждено было обмануться, то по крайней мере он избегал насмешек, которых молодые индейцы боятся хуже смерти. При всем том ему угрожала еще опасность западни, которая и побудила его к медленному и осторожному приближению, так что его товарищи уже прошли от 50 до 60 шагов вниз по течению, прежде, нежели молодой дикарь достиг кустарника на такое расстояние, что мог достать его руками.

На лице Ирокезца, которое внимательно наблюдалось со стороны спрятавшихся, выражались ясно перемены в его чувствованиях. Сперва лицо его выражало живую надежду на блестящий успех; потом она сменилась сомнением, когда ему показалось, что увядшие листья снова распустились и освежились под влиянием воздуха; наконец, черты его изобразили подозрение грозившей опасности.

Последовавшее от солнечных лучей изменение в наружном виде кустарника, концы которого стояли в воде, было так незначительно, что когда Ирокезец взял листья в руку и попробовал их, то пришел к предположению, что

обманулся. Тем не менее, не столько в надежде на успех, сколько для того, чтобы не упустить никакого средства для разгадки своего сомнения, он осторожно пригнул ветки в сторону, и одним шагом очутился в убежище, где глазам его представились личности спрятанных, подобно бездыханным статуям. Едва Ирокезец появился, как рука Чингахгока быстро, но без шума, поднялась и опустила томагавк, подобно молнии на голый череп противника. Ирокезец дико замотал в воздухе руками, упал на спину и повалился в воду, которая тотчас же увлекла его тело. Делавар сделал поспешную, но безуспешную попытку схватить убитого за руку в надежде овладеть его скальпом, но окровавленная вода шумно стремилась по течению и увлекла с собою свою добычу.

Все это совершилось в течение менее одной минуты, и притом так внезапно и неожиданно, что Следопыт и его товарищи должны были теперь пустить в ход всю свою находчивость, чтобы взыскать путь к спасению.

— Нельзя терять ни одной минуты, — шепотом сказал Гаспар, наклоня на бок кусты с должною осторожностью, — следуйте моему примеру, мистер Кап, если хотите видеть вашу племянницу спасенною, а вы, Мария, растянитесь во всю длину на две лодки.

При этих словах он схватил нос легкого

челнока, потянул его с помощью Капа вдоль берега, и старался достигнуть верхнего изгиба реки, за коим все общество могло выйти из виду диких. Челнок Следопыта лежал ближе к берегу и потому должен был последний отчалить от него. Чингахгок выскочил на берег и исчез в лесу, так как поставил себе задачею наблюдать в этой стране за неприятелем, в то время как Стрела помогал своему белому товарищу при спуске на воду челнока, чтоб иметь возможность последовать за Гаспаром. Все это было скоро исполнено, во когда Следопыт достиг течения посреди реки, то вдруг почувствовал облегчение челнока, оглянулся и, к немалому удивлению, увидел, что Тускарора с женой покинули его. Мысль об измене блеснула в его голове, но уже не было времени останавливаться для преследования индейца.

Между тем жалобные крики, раздавшиеся вниз по реке, доказывали, что увлеченный водою труп молодого индейца замечен его друзьями. Последовал ружейный выстрел, и тогда Следопыт увидел, что первый челнок плывет поперек течения и быстро двигается, благодаря сильным ударам весел Капа и Гаспара. Тем не менее, грозила опасность, в особенности для Марии, находившейся в лодке Гаспара, и Следопыт, как верный защитник, старался немедленно отклонить ее. Быстро перескочив на заднюю часть своего челнока, он

сильным толчком направил его в течение и таким образом перерезал реку, что его личность могла служить целью для неприятеля. Это было вернейшее средство отклонить опасность от других и привлечь ее на себя, так как страстное желание диких овладеть кожей одного черепа должно было пересилить все другие чувства.

— Держитесь выше течения, Гаспар! — закричал ему храбрый и великодушный охотник, рассекая воду сильными и долгими ударами весел. — Держитесь постоянно выше и старайтесь достигнуть ольховых кустов на другой стороне. Преимущественно берегите дочь сержанта и предоставьте этих негодяев Мингосов мне и Чингахгоку.

Гаспар махнул веслом в знак того, что понял наставление, тогда быстро раздалось выстрел за выстрелом, и каждый был направлен на ближайший челнок, в котором находился только один человек.

— Да, да, дурачье, тратьте ваши заряды, — тихо ворчал про себя Следопыт, — стреляйте себе в неверную цель и дайте мне время уйти от вас шаг за шагом; да, вот это недурно, — он невольно отогнул назад голову, так как лучше прицеленная ружейная пуля оторвала локон волос от его виска; но все равно, пуля, которая на волос не достигает цели, так же бесполезна, как та, которая остается в дуле. — Хорошо, Гаспар; да, дорогое дитя сержанта должно

быть спасено, хотя бы мы все при этом лишились скальпов!

Между тем Следопыт достиг середины реки и почти уже был на стороне своих друзей, тогда как другой челнок достиг указанного места на противоположном берегу. Несколько ударов весел приблизили его к самому берегу; Мария с Гаспаром и дядей поспешили в прибрежные кусты, и по крайней мере на время все три беглеца были вне опасности.

Не так легко было Следопыту; его благородное самопожертвование поставило его в опасное положение, которое ухудшилось еще тем, что находившаяся до того временно на твердой земле толпа неприятелей бросилась вниз по берегу и присоединилась к стоявшим в воде товарищам. В этом месте река была не шире длины каната, и челнок его находился в расстоянии не более ста локтей от неприятелей, которые непрерывно направляли выстрелы против смелого охотника.

В таком затруднительном положении Следопыт единственно положился на свою твердость и ловкость, и эти качества, которыми он обладал в высшей степени, оказали ему теперь большую услугу. Он легко мог рассчитать, что его безопасность зависела только от непрерывного движения, ибо неподвижный предмет служил бы на этом расстоянии всегда верною целью. Но он знал

также, что одно движение было недостаточною защитою, ибо враги его, привыкшие убивать оленя на скаку, конечно, умели взять цель, таким образом, чтоб попасть в него, если б движения его были всегда одинаковы. Поэтому он счел за лучшее менять направление своего челнока, несколько времени с быстротой стрелы плыл вниз по течению, потом спустя минуту перерезал его. К счастью его, Ирокезы не могли снова заряжать свои ружья в воде, а окаймлявшие повсюду берег кусты затрудняли не упустить беглеца из виду, если б он вышел на землю. Под защитою таких благоприятных обстоятельств он скоро был на более безопасном от неприятелей расстоянии, как вдруг возникла для него новая, хотя и не совсем неожиданная опасность.

Она состояла в появлении толпы, которая находилась в засаде для охранения реки. Тут было десять человек, которые, в видах обеспечения своих кровожадных намерений, заняли выгодную позицию на том месте, где вода шумно бежала между скалами и имела небольшую глубину. Противиться течению было невозможно, и Следопыт предвидел, что он должен будет прямо плыть на Ирокезов, когда попадет в это узкое место. Смерть или плен были единственными вероятными последствиями подобной попытки. Чтобы избегнуть этой опасности, он напряг все

свои силы и старался достигнуть западного берега, так как все враги его держались на восточном. Но такое предприятие было не по силам одному человеку, и попытка переплыть течение, конечно, должна была умерить ход челнока в такой степени, что давала неприятелям достаточно времени для верной цели. В таком затруднительном положении, бодрый охотник с величайшей обдуманностью приступил к приготовлениям для исполнения решения, принятого им после недолгого размышления. Вместо того, чтоб стараться достигнуть фарватера, он направился к более мелкому месту реки, схватил ружье и ягдташ, спрыгнул в воду и пошел вброд в западном направлении от скалы к скале, предоставив челнок на волю судьбы. Этот быстро завертелся в бурном течении, перекатился чрез несколько подводных камней, наполнился водой и снова выпустил ее, и наконец достиг берега лишь в расстоянии немногих локтей от того места, где стояли индейцы.

Но, не смотря на придуманный способ, Следопыт еще никак не был вне опасности. Сначала удивление его ловкости и мужеству остановило на несколько минут деятельность его врагов, но жажда мести скоро проснулась в них с новою силою. Выстрел следовал за выстрелом, и пули летали так близко от головы беглеца, что он мог слышать свист их, не смотря на прибой волн и шум воды.

Но, невзирая на это, как бы имея застрахованную волшебною силою жизнь, он шел далее, и даже кожа его ни разу не была оцарапана, хотя простая одежда его была прострелена во многих местах.

Несколько раз он принужден был идти, имея воду до плеч, и в таком положении держал над головою ружье и боевые припасы. Это немало истощало его силы, и потому он обрадовался, когда достиг небольшой скалы, верхняя плоскость которой, высоко подымавшаяся над рекой, была совершенно суха. На эту скалу положил он свою пороховницу, и сам стал за скалою, чтоб хотя частью защитить тело свое от неприятельских пуль. Он был уже от западного берега на расстоянии лишь пятидесяти шагов; но быстрое и мрачное течение, отделявшее его от берега, убеждало его, что он может достигнуть его не иначе как вплавь.

Индейцы между тем прекратили пальбу и собрались около прибитого волнами челнока, чтоб овладеть им и переправиться в нем чрез реку.

— Следопыт! — раздался голос из бывших на западном берегу кустов.

— Что вы хотите, Гаспар?

— Не падайте духом! Ваши друзья близко, и ни один Мингос не переправится чрез реку без того, чтобы не получить пулю между глаз. Не хотите ли оставить ружье ваше на скале и переплыть сюда, прежде чем появятся негодяи?

— Нет, нет! Настоящий охотник никогда не бросает своего оружия, пока у него есть порох в пороховнице и пуля в кармане. Еще я сегодня не трогал курка и не могу перевести мысли, что сошелся с этими мерзавцами, не оставив им о себе памяти. При том же, я вижу между ними Стрелу, и желал бы послать ему награду за его предательство. А где же дочь сержанта, Гаспар? Вы не привели же ее сюда, на расстоянии ружейного выстрела наших врагов?

— Нет, Мария теперь в безопасности, и нам остается только разрешить задачу, чтоб сохранить реку между нами и неприятелем. Негодяи знают теперь вашу малосильность и наверно сделают, по крайней мере, попытку переправиться.

— Этому должно воспрепятствовать до наступления ночи; тогда, в темноте, мы попытаем наше последнее средство и употребим все силы, чтоб спасти дочь сержанта.

— Все это хорошо, Следопыт, если б только вы могли достичь берега. Надеетесь ли вы, по крайней мере, попасть на берег с сухим оружием, если бы имели ваш челнок?

— Может ли орел летать? — спросил Следопыт, смеясь от души. — Но как добыть челнок? Вы сами не должны выходить в воду, ибо я вижу, что негодяи снова заряжают ружья.

— Ведь это можно устроить, и не подвергая

меня опасности. Кап уже отправился выше за челноком, и бросил в реку сучок, чтобы исследовать течение. Видите, вот уж он и плывет. Если он верно направляется, то только протяните руку и тотчас вслед за сучком приплывет и самый челнок.

Плывший сучок приблизился, ускоряя свой бег сообразно усилившейся быстроте течения, и потом поплыл прямо на Следопыта, который схватил его и с торжеством поднял вверх. Кап понял этот сигнал и предоставил челнок течению, которое и привлекло его прямо к Следопыту. Последний остановил его, вспрыгнул туда с ружьем и ягдташем, дал судну сильный толчок, и чрез несколько секунд достиг безопасного берега. Челнок укрепили, и оба приятеля от души пожали друг другу руки.

— Теперь, Гаспар, посмотрим, попытается ли который из этих негодяев переправиться по воде, — смеясь, сказал Следопыт, махая над головой своей винтовкой.

— Вот уже они двигаются, — возразил Гаспар, показывая на противоположный берег.

— В самом деле, — воскликнул Следопыт, совершенно озадаченный. — Трое негодяев только что сели в лодку. Они верно думают, что мы убежали, ибо иначе никогда не рискнули бы на что-нибудь подобное в виду моего зверобоя.

Ирокезы действительно предполагали, что Следопыт и друзья его бежали, и потому старались достигнуть противоположного от них берега. Трое лежали в челноке; из них двое стояли на коленях, постоянно наготове к выстрелу, а третий на задней части судна управлял веслом. Он прекрасно знал свое дело, ибо под его твердыми и долгими ударами весла, легкая ладья летела по воде как птица.

— Стрелять мне? — спросил Гаспар, горя желанием начать бой.

— Нет еще, мой друг, — шепотом отвечал Следопыт, — их только трое, мы можем допустить их спокойно причалить, и тогда снова овладеем челноком.

— А Мария?

— Не бойтесь ничего за нее. Она, как вы сами говорили, спрятана хорошо, и...

Он вдруг замолчал, ибо в эту самую минуту раздался ружейный выстрел. Индеец, стоявший на корме, подпрыгнул на воздух, и затем вместе с веслом упал в воду. Легкий дымок показался из одного куста на восточном берегу реки и постепенно исчез в чистом, голубом воздухе.

— Это выстрел Чингахгока, — радостно вскричал Следопыт. — Да, в груди Делавара бьется смелое и верное сердце. Но все-таки мне жаль, что он вмешался в дело; впрочем, он не знал достоверно о нашем положении и потому не мог

сделать ничего лучшего.

Между тем как Следопыт высказывал таким образом свои чувства, челнок, лишенный своего руководителя, был увлечен быстротой течения. Находившиеся в нем два беспомощных индейца дико озирались кругом, не имея возможности оказать ни малейшего сопротивления силе стихии. Через несколько секунд челнок ударился о скалу, перевернулся, и оба воина упали в воду. Челнок навис на скале посредине течения; индейцы же вплавь и вброд бросились обратно к дружественному берегу, которого и достигли благополучно, хотя с потерей оружия.

— Теперь время позаботиться о нашем верном союзнике Чингахгоке, — сказал Следопыт, прикладывая к плечу ружье свое, совершенно изготовленное для выстрела. — Смотрите, смотрите! так же верно как я бедный грешник, один из этих негодяев уже крадется по берегу. Постой.

Острый глаз Гаспара тотчас открыл того, кого указывал Следопыт. Это был молодой неприятельский воин, горевший желанием отличиться, и потому подкрадывавшийся к убежищу, в котором скрывался Чингахгок. Он именно достиг той позиции, с которой мог видеть Чингахгока, что ясно доказывалось его приготовлениями к выстрелу, хотя сам Следопыт не мог еще увидеть убежища своего друга. Храбрый

охотник опустил свое ружье, не спуская глаз с молодого неприятельского воина.

— Чингахгок должен находиться там около дороги и быть особенно настороже, если допускает к себе на такое близкое расстояние молодого кровопийцу, — проворчал он про себя. — Смотрите, этот коварный негодяй именно имеет намерение овладеть скальпом моего давнишнего, лучшего и испытанного друга.

Вдруг Следопыт замолчал, быстро поднял свое длинное ружье, прицелился с достойною удивления быстротой и верностью и выстрелил. Ирокезец тотчас свалился, и ружье его, которым он только что прицелился в Чингахгока, разрядилось безвредно на воздух.

— Коварный червь не хотел ничего лучшего, — пробормотал Следопыт, опустив ружье и снова заряжая его. — Мы с Чингахгоком сражались рядом с ранней молодости, и такой безумный негодяй думает, что я хладнокровно посмотрю на умерщвление моего лучшего друга из засады. Глуп же он!

— Смотрите, Следопыт, — прервал его Гаспар, — что это плывет к нашему берегу, собака или олень?

— Ни то, ни другое: это человек, и притом индеец, — отвечал Следопыт, внимательно осмотрев указанный предмет.

— Он что-то толкает перед собой, и голова его походит на плывущий куст, — сказал Гаспар.

— Да, это индейская чертовщина, мой друг; но наша христианская честность победит все их хитрости.

Пока индеец медленно приближался, наблюдатели снова усомнились в своем мнении, пока, наконец, когда он проплыл уже две трети реки, истина сделалась им ясною.

— Это Чингахгок, также верно, как я здесь стою, — вскричал Следопыт, и так от души засмеялся счастливой мысли своего друга, что слезы потекли из глаз его. — Он прикрепил кустарник на свою голову, чтобы защитить ее, и привязал пороховницу к небольшому сучку. Ружье лежит на стволе дерева, который гонит он веред собой, и переплывает, чтоб присоединиться к друзьям. Ах, те времена, когда мы вместе выкидывали подобные штуки, не так еще далеко от вас!

— Но, право, это не Чингахгок, — прервал его Гаспар, — я не могу заметить вы одной черты, которую бы помнил.

— Что такое черта! Кто станет у индейца смотреть на черты? Разрисовка говорит все. Это краски Чингахгока, которых никто не будет носить, кроме Делавара, и потом, приятель, можете также видеть глаз его — глаз храброго начальника. Но,

Гаспар, как ни дико блестит он в бою, и как вы ярко сверкает из-за зелени листьев, — все-таки я видел эти глаза полные слез, и в не давнее еще время! Да, под этой красной кожей бьется верное и мягкое сердце, хотя понятия его отличаются от наших.

— В этом никто не сомневается, кто только его знает, — возразил Гаспар.

— Да, но я убежден в этом, гордо сказал Следопыт: — я был его товарищем в счастье и горе, и всегда видел его верным и честным человеком. Но довольно об этом. Он знает, что я люблю его и всегда за спиною говорю о нем хорошо. Больше ничего и не нужно.

Чингахгок в это время совершенно достиг берега около своих товарищей, вскарабкался на него, подобно собаке, стряхнул с себя, и издал свое обыкновенное восклицание гуг! Следопыт приветствовал его с трогательною радостью.

— Разве благоразумно было с твоей стороны, что ты улегся в засаду один против дюжины Мингосов? — спросил он с полным упрека, но нежным участием. — Конечно, Зверобой редко дает промах, но река широка, и я видел у негодяя, который посягал на твою жизнь, немного более головы и плеч. Тебе бы нужно было обдумать это.

— Чингахгок могиканский воин, и на поле сражения думает только о неприятелях.

— Да, я знаю это, и мне известны твои

понятия, — возразил Следопыт, — но тем не менее благоразумие также идет воину, как и храбрость, и если б эти проклятые Ирокезы не глазели на своих друзей в воде, то несомненно попали бы на твой горячий след.

Чингахгок пробормотал несколько непонятных слов. Потом вдруг отошел от своего друга, обернулся, направился к реке и снова сошел в воду. Гаспар следил за этими движениями, не скрывая своего изумления.

— Какое намерение у Делаваара? — спросил он. — Не захочет же он вернуться на другой берег?

— Нет, не в том дело, — возразил Следопыт, — вы знаете, Гаспар, что он индейский начальник, а потому у него и понятия индейские. Глядите, он плывет к трупу Ирокеза, которого он веред тем убил, и который висит там на скале. Он плывет к нему ради чести и славы, то есть, чтоб достать его скальп.

— Но, Боже мой! он подвергает себя при этом сильнейшей опасности, вскрикнул молодой человек заботливо.

— Да; но он мы ни что не ставит опасность, когда дело идет о смелом поступке.

Теперь между Ирокезами поднялись страшные крики, за которыми последовали выстрелы. Враги старались удалить Делаваара от его жертвы, и при этом так разгорячились, что даже

десятеро из них бросились в воду и отплыли около ста футов в пенящемся течении. Но Чингахок не видел в этом препятствия, и окончил свою задачу спокойно и с ловкостью, достойною долгой опытности. Потом высоко в воздухе поднял он кровавый знак победы, и в громких, страшных звуках издал боевой клик своего народа. Ирокезы отвечали криком исступления, и в течение нескольких минут безмолвный лес наполнялся страшными звуками возбужденных страстей.

Между тем Делавар достиг невредимо берега, бросил на своих товарищей гордый, торжествующий взгляд, и потом удалился вглубь кустов, чтобы выжать свою мокрую одежду и снова зарядить ружье.

— Гаспар, отправьтесь теперь вниз к Капу, и пригласите его присоединиться к нам, — сказал Следопыт. — Нам необходимо посоветоваться, и мы не имеем на это много времени, потому что эти негодные Мингосы скоро постараются отплатить за понесенную ими неудачу.

Гаспар послушался, и чрез несколько минут все четверо собрались вблизи берега для обсуждения своих дальнейших движений.

Но уже вечерело, и наступили сумерки, которые вскоре должны были смениться глубокой и темной ночью. На этом благоприятном обстоятельстве основывал Следопыт свои надежды,

ибо если темнота и не устраняла всякой опасности, то все-таки могла способствовать бегству, скрывая их движения от неприятелей.

— Друзья, — серьезно сказал он, — настала минута обсудить наши планы. Через час эти леса будут так темны, как в полночь, и если мы когда-либо хотим достигнуть форта, то это необходимо исполнить в темноте. Каково ваше мнение, мистер Кап?

— Я думаю, что мы не можем сделать ничего лучшего, как снова сесть в челнок и поплыть к форту с такою скоростью, какую только позволит вода и ветер.

— А вы, Гаспар, что скажете? — спросил его Следопыт.

— Я того же мнения, возразил молодой человек. Если б я и Чингахок могли вплавь достигнуть другого челнока и привести его, то самый верный путь для нас будет по воде.

— Да, да, — если бы! И то это можно бы исполнить, как только немного стемнеет. Скажите, Гаспар, хотите это вы предпринять или нет?

— Я готов на все, что только может послужить в пользу Марии, — отвечал Гаспар.

— Ну, хорошо, тогда Чингахок может помочь вам, и у Мингосов отнимется хотя одно средство, которым они могут воспользоваться для отмщения вам за неудачу и ущерб.

Когда таким образом эта статья приведена была в ясность, то приступили к необходимым для выполнения ее приготовлениям. Лишь только вечерняя мгла густо спустилась над лесом, и так стемнело, что уже нельзя было различать предметы на противоположном берегу, все было уже готово к смелой попытке. Между тем как Чингахок и Гаспар сошли в воду, вооруженные только ножами и томагавком Делаваара, и старались скрыть все свои движения с величайшею осторожностью, Следопыт отправился за Мариюю в ее убежище, пошел с ней и Капом к месту нахождения челнока, и все вошли в него, заняв свои прежние места. Следопыт стоял у кормы и крепко держался за кусты, чтобы челнок не был увлечен течением. Так прошло несколько минут напряженного внимания, в течение коих они ожидали результатов смелого предприятия их друзей.

Оба смельчака плыли по глубокому и быстрому фарватеру и благополучно достигли узкого места, где мелководье дало им возможность идти вброд. Как только они почувствовали твердое дно, то взяли друг друга за руки, и медленно, с крайнею осторожностью, вошли по тому направлению, где надеялись найти челнок. При этом Гаспар совершенно предоставил себя на волю инстинкта Делаваара, так как в глубокой темноте глаза не могли принести никакой пользы. Ничего не

было видно даже на расстоянии трех шагов, и когда оба смельчака думали, что находятся посредине реки, то берега представлялись одними темными массами, которых очертания обозначались на небе лишь выступавшими вершинами деревьев.

Путникам приходилось несколько раз менять свое направление, ибо они неожиданно нападали на глубокие места, между тем как знали, что челнок стоит на самом мелком пункте реки.

Уже около четверти часа бродили они по воде; но, казалось, находились от предмета своих поисков в таком же расстоянии, как и сначала. Гаспар стал выражать нетерпение, а Делавар хотел уже сообщить ему, что им лучше вернуться к берегу, чтобы оттуда возобновить свою попытку, — как вдруг увидели они движение по воде постороннего человека, и им сделалось ясно, что Ирокезы преследуют ту же цель, как и они.

— Мингос! — прошептал Делавар Гаспару на ухо. — Я покажу им, до какой степени можно быть хитрым.

Молодой человек заметил неизвестную личность, и страшная правда блеснула в душе его. Он тотчас созвал необходимость совершенно довериться руководству Делаvara в этом опасном положении, и ответил утвердительно на предложение Чингахгока предоставить дело его хитрости.

— Хуг! — воскликнул приближаясь дикарь, — челнок отыскан, но никого нет, кто бы помог мне; пойдемте, отдерем его от скалы.

— Пойдем, — отвечал Чингахгок на языке Ирокезов, — веди нас, мы идем за тобой.

Неизвестный последовал этому приглашению и повел своих врагов прямо к челноку, которого и достигли через несколько секунд. Он стал на одном конце, Чингахгок у середины, а Гаспар у другого конца.

— Подымайте, — сказал Ирокез, и тотчас челнок сдвинули со скалы, освободили от наполнившей его воды, и потом снова поставили в надлежащее положение. Все трое крепко держали лодку, чтоб течение не увлекло ее, и ирокез направился к восточному берегу, где его ожидали товарищи.

Поняв из того обстоятельства, что их появление нисколько не удивило индейца, что еще многие Ирокезы должны находиться в воде, Чингахгок и Гаспар сознали необходимость крайней осторожности. Тем не менее, они не выказали никакого страха и даже решились бы на более смелое предприятие, чтобы только овладеть челноком, который был им необходим для предположенного бегства.

Между тем, Ирокез, показывавший дорогу, тихо двигался по воде вперед, и вел за собою своих

противников. Чингахгок уже поднял однажды свой томагавк, чтоб хватить им по черепу своего неприятеля; но вероятность, что смертный крик индейца привлечет к ним всех его товарищей, побудила осторожного Делавара отложить свое намерение. Скоро, однако, он раскаялся в своей нерешительности, увидев себя окруженным еще четырьмя Ирокезами, которые также искали челнока.

Тотчас они остановили челнок, и Чингахгок в течение нескольких минут увидел себя в весьма большом затруднении. После обмена пары слов, Ирокезы общими силами повлекли судно к своему берегу, и скоро достигли края восточного фарватера, где, как и на западном, вода была слишком глубока, чтобы идти вброд. Здесь на короткое время они остановились, ибо нужно было решить, каким именно способом скорее довести челнок до берега.

Эта остановка более всего угрожала Гаспару, что его откроют, хотя положение его у задней части лодки некоторым образом скрывало его от глаз неприятелей. Еще опаснее было для Чингахгока, который буквально окружен был своими смертельными врагами, и едва мог двигаться без того, чтобы не задеть которого либо из них. Он, однако, держался спокойно, хотя все его чувства были напряжены, и каждую минуту был наготове

бежать или же в удобный момент сделать решительную попытку. Опасность быть открытым уменьшалась еще тем, что он не оглядывался, и таким образом лицо его скрывалось от стоявших сзади. Со всем непоколебимым терпением храброго начальника ожидал он минуты, когда ему придется действовать.

— Пусть все мои молодые воины идут на берег за своим оружием, кроме только двоих на концах челнока, сказал наконец вновь подошедший индеец, который, как казалось, был один из начальников Ирокезов.

Индейцы повиновались и оставили Гаспара у кормы, а Ирокеза, нашедшего челнок, у носа, Чингахок так глубоко нырнул в воду, что, не будучи замеченным, миновал всех остальных. Плеск воды скоро известил, что все пустились вплавь и быстро удалялись. Как только Делавар это заметил, он тотчас вынырнул, снова завял прежнюю свою позицию и стал думать о моменте для действия.

Так как он знал, что сзади его на воде находятся еще многие Ирокезы, и был слишком опытный воин, чтобы пускаться напрасно в опасное предприятие, то и предоставил индейцу идти спокойно в глубокое место, и затем все трое поплыли вперед к восточному берегу. Но, вместо того, чтобы помогать вести челнок наискось

быстрого течения, Делавар и Гаспар плыли таким образом, что препятствовали ему двигаться по этому направлению. Это делалось так осторожно и постепенно, что Ирокез у носа сначала думал, что ему приходится бороться только с силою течения, и челнок все двигался вниз таким образом, пока не достиг более тихой воды в конце узкого места. Здесь только дикарь заметил обман: обернулся, и тотчас увидел, что причину бесплодности своих усилий он должен искать в действиях своих помощников.

Не показывая никакого страха, он быстрым скачком чрез воду кинулся к Чингахгоку, и тут оба индейца схватились с ожесточением раздраженных тигров. Среди мрака темной ночи, и плывя на стихии, которая должна была представлять столько опасностей для смертельного боя, они, казалось, забыли все, кроме кровавой вражды и обоюдного стремления победить, во что бы то вы стало.

Гаспар увидел челнок в полном своем владении; тем не менее, первую мыслью его было поспешить на помощь Делавару. Но после он вспомнил, как необходимо обеспечить обладание челноком, и погнал его, как только было возможно скоро, к западному берегу. Он достиг его благополучно, и, после недолгого искания, нашел оставленное им общество, которому и сообщил, в каком положении и опасном бою он вынужден был

оставить Делавара.

За извещением наступило глубокое молчание, и каждый напряженно прислушивался к тишине ночи, чтобы услышать хотя что-нибудь такое, что могло бы указать на исход страшного боя в воде. Но ничего не было слышно, кроме шума журчащей реки, и даже враги на противоположном берегу соблюдали такую же гробовую тишину.

— Гаспар! — сказал наконец Следопыт спокойно, но несколько меланхолическим и грустным голосом, — возьмите это весло и следуйте за мной с вашим челноком. Неблагоразумно долее медлить здесь.

— А Чингахгок?

— Он в руках своего Бога и будет жить или умрет, как угодно будет Всевышнему. Помочь мы ему не можем, а было бы слишком рискованно оставаться здесь в бездействии и горевать. Темнота неоцененная, и надо ею пользоваться.

Громкий, продолжительный, страшный крик раздался с берега и прервал его речь.

— Что значит этот шум? — спросил Кап, совершенно пораженный. — Он походит более на крики дьяволов, чем на звуки из горла христиан.

— Этот крик, — глубоко вздохнув, и с грустью отвечал Следопыт, — крик радости победителей. Не может быть более сомнения, — что тело Чингахгока, живое или мертвое, в руках

кровожадных Мингосов.

— А мы? — воскликнул Гаспар, полный раскаяния, ибо чувствовал, что мог бы отклонить это несчастье, если б не покинул своего товарища.

— Мы не можем быть ему полезны, Гаспар, и потому нам надо удалиться.

— Не делая никакой попытки к его освобождению? Не зная даже, жив он или нет?

— Да, да, Гаспар прав, — робко сказала Мария, — я остаюсь здесь и не двинусь с места, пока не буду звать, какая судьба постигла вашего друга.

— Следопыт! Я нахожу это благоразумным, и соглашаюсь с моей племянницей, — обдумав, сказал Кап, — настоящий моряк не может покинуть своего товарища в нужде, и меня радует, что я нахожу между пресноводами такие же хорошие понятия.

— Полноте вздор молоть, поспешно перебил его Следопыт, сталкивая в то же время челнок в воду. Вы не можете измерить опасность, и потому не бойтесь ее. Но дочь сержанта должна быть спасена, и если вам дорога жизнь, то старайтесь достигнуть форта, и предоставьте Делаваара его судьбе. Ах! олень, который слишком часто ходит по соленую воду, наконец, встречает там охотника.

Тогда все, без возражения, сели в стоявшие наготове челноки, которые, под управлением

Следопыта и Гаспара, быстро и спокойно поплыли вниз по реке. Кругом все было тихо; только природа говорила своими тысячами языков на наречии темной лесной ночи. Воздух вздыхал между деревьями; вода шумела и журчала вдоль берега, и там и сям раздавался треск сухой ветки или трещало дерево в пустыне. Один раз Следопыту казалось, что он слышит отдаленный вой волка; но звук этот был так непродолжителен и сомнителен, что он остался в недоумении на счет значения его.

Прошло уже около часа, в течение коего все общество в челноках тихо разговаривало, как вдруг Следопыт поднял руку, делая знак, чтобы все замолчали.

— Я слышал человеческие шаги на берегу, прошептал он.

— Разве Ирокезам удалось с оружием и без лодки переправиться чрез реку? тихо спросил Гаспар.

— Это может быть Делавар, — возразил Следопыт, — быть может, он следовал по берегу параллельно нам, так как знает, где нас найти, и я во всяком случае хочу приблизиться к берегу, чтоб сделать рекогносцировку.

— Пустите меня! — торопливо прошептал Гаспар. — Я оставил Делаvara в нужде, и готов на все, если могу помочь ему.

— Прекрасно, это благородное чувство, а я не помешаю вам последовать ему, — отвечал Следопыт. — Идите же, действуйте веслом потихоньку, и ни в каком случае не рискуйте выходить наудачу на берег.

Гаспар быстро исчез в темноте, между тем как другой челнок медленно скользил вниз по течению. Никто не говорил, никто не пропускал ни одного звука, вы даже вздоха или самого слабого стога, доносившихся с берега. Но все-таки кругом царствовала величественная и торжественная тишина, как и прежде; прошло минут десять, и никто не звал еще о результатах предпринятого дела. Наконец послышался треск сухих ветвей, и Следопыту казалось, что он слышит звуки сдержанных голосов.

— Может быть, я и ошибаюсь, — сказал он, преодолевая волнение, — но мне кажется, что эти звуки похожи на голос Делавара.

— Я вижу что-то на воде, — прошептала Мария, стараясь проникнуть глазом в темноту.

— Да, да, это челнок, — отвечал обрадованный Следопыт. — Верно все благополучно, иначе мы бы что-нибудь услышали от Гаспара.

Вслед затем оба челнока снова поплыли рядом, и явственно показалась личность Гаспара на корме своей лодки. На носу же сидел другой

человек, в котором Следопыт тотчас узнал своего верного товарища, Делаваара.

— Чингахгок, брат мой! — сказал он дрожащим голосом, выразившим вполне всю силу его радостных чувств, — сердце мое радуется. Мы часто ходили вместе в кровавые битвы, но я уже боялся, что этого больше не будет!

— Гуг! — воскликнул Чингахгок. — Мингосы настоящие бабы; три скальпа их висят у моего пояса. Они не умеют поразить Делаваара. В сердце их нет крови, а мысли их на обратном пути чрез воды большого озера.

— Ты был между ними, друг? Что случилось с воином, который находился в воде?

— Он стал рыбой, и кости его лежат на две у угрей. Мой нож достиг его; пусть братья ловят его удочками. Следопыт, я считал врагов и трогал ружья их.

— Как отважно! — закричал Следопыт по-английски своим спутникам. — Смелый Делаваар был между ними, и принес вам всю их историю. Говори, Чингахгок, чтоб я мог сообщить друзьям твое приключение.

Могикан, удовлетворяя этому приглашению, рассказал сущность сделанных им открытий с того времени, когда он боролся в воде со своим врагом. Как только он вышел победителем из этой страшной схватки, то поплыл к восточному берегу,

осторожно вышел на землю, и под защитой темноты следовал дальше посреди Ирокезов. Однажды его окликнули; но он выдал себя за Стрелу, и этим избег дальнейших расспросов. Из разговоров диких он скоро убедился, что они искали Марию и дядю ее, которому придавали высшее звание, нежели он имел на самом деле. Также узнал он, что Стрела изменил им, хотя и не получил еще условленного за его услуги вознаграждения.

Следопыт перевел этот рассказ на английский язык, и потом объявил своим спутникам, что пришло время приложить все силы, чтобы бежать дальше, пока Ирокезы еще не оправились от своего замешательства.

— Мы уже не далеко от гарнизона, — прибавил он, — и нам остается миновать только одно узкое место. Если мы и тут наткнемся на толпу диких, то при царствующей тьме они немного могут повредить вам. Гаспар, возьмите, однако, Марию в ваш челнок, ибо мы знаем, что вы лучше меня знаете дорогу, и затем с Божией помощью двинемся вперед.

Это указание было исполнено: Мария и Чингахгок поменялись местами, и челноки поплыли вперед в темноте. Разговоры прекратились и приближение опасного узкого места произвело на каждого боязненное впечатление, Скоро

послышался шум падающей воды, и в особенности Кап должен был приложить всю храбрость и держаться смирно на своем сиденье, так как он не мог еще прогнать неприятного впечатления при переправе чрез первый водопад. Страх его был, впрочем, если не совершенно неоснователен, то слишком силен, так как узкие места реки Озвего гораздо безопаснее для плавания, чем водопады ее.

Мария также была не без заботы; но она скоро успокоилась при дружеском разговоре ее спутника, который только просил ее держаться крепче за челнок, а в остальном, без страха и боязни, положиться на Бога и его управление.

Теперь быстрина завладела челноком Гаспара и понесла его вперед с необычайною быстротой. В течение нескольких минут Мария не видела вокруг себя ничего, кроме брызг блестящей пены, и не слышала ничего, кроме шума волновавшейся воды. Раз двадцать казалось, что легкое судно должно быть поглощено подымавшимися волнами, но всегда под сильным и ловким управлением Гаспара оно невредимо избегало грозившей опасности, и скоро снова очутилось в спокойном и безопасном фарватере, оставив далеко за собою опасное место.

— Вся опасность миновала, Мария, — радостно вскричал молодой моряк, — и еще сегодня ночью вы обнимете своего отца.

— Слава Богу, — сказала Мария, глубоко

вздохнув, — но где же наши друзья?

Гаспар поглядел кругом, и тотчас увидел другой челнок, но пустой и с поднятым кверху килем. Он был опрокинут волнами, и сидевшие в нем старались теперь вплавь или вброд достигнуть берега. Это удалось им, и Следопыт закричал Гаспару, чтобы он спокойно продолжал свой путь по реке, между тем как он со своими товарищами постарается достигнуть форта сухим путем. Гаспар повиновался, и после непродолжительного плавания, лодка его очутилась под валами небольшой крепости. На зов его открыли ворота, и чрез несколько минут Мария была в объятиях своего отца, который с радостными слезами сердечной любви встретил дитя свое, благополучно избегнувшее опасности.

Глава III

Не более восьми дней отдыхала Мария в обществе своего отца, как в одно утро его потребовала к майору Дункану Лунди, коменданту форта на реке Озвего.

— Сержант! — сказал он ему, — как вам уже известно, вас пошлют на следующий месяц на «Тысячу островов». Ваша очередь смены, и хотя наш квартирмейстер, лейтенант Мункс, заявляет желание на этот раз заступить ваше место, но этого

нельзя исполнить. Если он хочет сопровождать вас, то может только в качестве волонтера. Выбрали ли вы для себя команду?

— Все готово, сударь, — по-военному быстро отвечал сержант.

— Хорошо; так послезавтра, если не завтра в ночь, вам надо отправляться; отряд сильно требует смены.

— Об этом говорил молодой Гаспар Вестерн, человек, на которого можно положиться.

— Гаспар Вестерн! Этот молодой человек тоже будет сопровождать вас?

— Он командует «Тучей», нашим куттером, на котором нам придется отправиться на станцию.

— Правда, но я думал, что вы захотите взять с собою вашего деверя Капа, так как этот моряк охотно раз покрейсирует на пресной воде.

— Я, во всяком случае, намерен взять его с собою; но он, как и лейтенант Мункс, должен отправиться волонтером. Гаспар слишком бравый малый, чтобы без причины отнять у него команду, и к тому же я опасаясь, что Кап слишком презирает ваши воды, чтоб быть на них полезным.

— Хорошо, сержант, я предоставляю все это вашему усмотрению; вы возьмете также с собою Следопыта?

— Да, если позволите, сударь. Я думаю, что ему и Чингахгоку будет работа.

— И, по моему мнению, вы правы. Ну, сержант, так желаю вам счастья в вашем предприятии. Не забудьте, что пост необходимо уничтожить и покинуть, когда ваша команда призвана будет обратно, и вернитесь домой в полном здравии. Идите с Богом, мой друг.

Сержант Дунгам сделал честь по-военному, повернулся налево кругом, и хотел уже выйти в дверь, как был позвав майором назад.

— Я забыл сказать вам, сержант, что младшие офицеры просили о состязании в стрельбе. Завтрашний день назначен для этого, и всякий может быть допущен. Призы состоят из выложенной серебром пороховницы, кожаной фляжки для пороха и шелковой дамской шляпки, которую победитель может подарить, чтобы выказать свою любезность.

— Очень хорошо; а Следопыт также может принять участие в состязании?

— Конечно, если ему есть охота. Впрочем, как я в последнее время заметил, он не принимает никакого участия в подобного рода развлечениях, вероятно потому, что убежден в своей собственной беспримерной ловкости.

— Да это так и есть, майор. Честный малый знает, что никто не может помериться с ним, а потому не хочет лишать других удовольствия.

— Ну, в этом случае, пусть делает, как хочет.

Прощайте, сержант Дунгам.

Этим окончился разговор, и, почтительно поклонясь, сержант удалился, чтобы пригласить своего друга Следопыта принять на другой день участие в состязании.

Для этого развлечения приискали открытое место, которое уравнили и очистили от всяких кустов. Оно лежало несколько на запад от форта, непосредственно у берега озера, и было достаточно обеспечено от случайного нападения диких.

Длина цели была сто локтей, а самая цель состояла из обыкновенной белой доски, центр которой означен был черной звездой, называемой бычачьим глазом. В нее должны были стрелять свободной рукой. Для зрителей, в особенности женщин, устроены были у самого берега озера низкие подмости, вблизи коих на столбе повешены были призы. Передняя скамейка занята была женами трех офицеров с их дочерьми, между тем как на второй скамейке поместились Мария и жены унтер-офицеров.

Как только дамы уселись, майор Лунди отдал приказание начать состязание. Тотчас выступили восемь или десять лучших стрелков, и начали стрелять поочередно. Это были офицеры и другие лица без разбора, так как никто не должен был быть устранен от участия. Некоторые попали в середину доски, другие стреляли с меньшею верностью,

смотря по тому, как каждый был поддержан ловкостью или подкреплён счастьем.

По правилам стрельбы, никто не мог более стрелять, если сначала дал промах, и плац-адъютант вызвал более счастливых стрелков, чтобы они готовы были к дальнейшему состязанию, когда появились на стрельбище майор Дункан, лейтенант Мункс и Гаспар, между тем как Следопыт спокойно бродил по месту, не имея при себе своего известного и опасного ружья. Майор Дункан тотчас выступил вперед, стал в позицию, поднял ружье, прицелился одну минуту и выстрелил, пуля просвистела на несколько дюймов мимо обязательной цели.

— Майор Дункан устраняется от дальнейшего состязания! — тотчас объявил адъютант, с таким решительным видом, что все старшие офицеры тотчас поняли, что этот промах был условлен вперед; между тем молодежь и все общество почувствовали в себе больше мужества при виде казавшегося беспристрастия, с которым применялись законы игры.

— Теперь ваша очередь, Гаспар, — сказал квартирмейстер, лейтенант Мункс. — Стреляйте, и если вы попадете не лучше майора, то я утверждаю, что рука ваша умеет владеть только веслом.

Гаспар покраснел, но тотчас направился на позицию, беззаботно и вольно опустил дуло своего

ружья на ладонь левой руки, потом поднял его и выстрелил после минутного прицела. Пуля пронизала совершенно середину бычачьего глаза. Это был до сих пор лучше удавшийся выстрел, так как все прочие только попали в черный круг.

— Прекрасно, мистер Гаспар! — сказал Мункс. — Выстрел ваш сделал бы честь и более старой голове и опытному глазу. Тем не менее, я думаю, что при этом было немного и счастья, так как я заметил, что вы нехудожественно и нефилософски обошлись при выстреле и обращении с вашим ружьем. Теперь, милостивые государи, будьте внимательны, потому что я сделаю из ружья такое употребление, которое, по правде, можно назвать остроумным.

Говоря это, квартирмейстер приготовлялся к своему ученому испытанию; потом занял позицию, искусно рисуясь, тихо поднял ружье, снова опустил его, потом опять поднял, и наконец, повторив еще несколько раз эти движения, спустил курок.

— Мимо! промах по всей доске, — торжественно воскликнул судья, который находил мало удовольствия в учености квартирмейстера.

— Этого не может быть! — сердито закричал Мункс, с лицом, покрасневшим от раздражения и стыда. — Этого не может быть, — повторил он, — никогда в жизни еще не случилось со мной этой неловкости.